

ЛИНГВОЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОТПЕЧАТОК

ЭТНОКУЛЬТУРЫ (Кульпина В.Г. *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветковых концептосфер*. Москва: МАКС Пресс, 2019. 288 с.)

Неослабевающий интерес учёных-языковедов к изучению слов, значение которых выражает идею цвета, вполне закономерен и объясним: цвет — одна из ключевых категорий мира (без цвета невозможно осознание мира в принципе: всё, окружающее нас, имеет цвет). Это важнейшая универсалия мироздания. Цвет связан с философским и эстетическим осмыслением мира, является воплощением культурных ценностей и одним из ключей доступа к концептосферам целых наций.

Валентина Григорьевна Кульпина — значимая фигура в становлении лингвистики цвета как научного направления современного российского языкознания. Ее новая монография «Лингвистическая цветология: от истории к современности цветковых концептосфер» является результатом многолетних исследований автора в этой области.

Предметом интереса В.Г. Кульпиной в данной работе становятся лингвоцветовые картины мира сразу двух культур — русской и польской. Исследователь ставит перед собой поистине впечатляющую задачу — дать детальную характеристику элементов, из которых складываются системы цветообозначений обеих лингвокультур, проследить их историю, эволюцию и динамику развития (что, собственно, и является приоритетом лингвистической цветологии). Решить эту задачу без продуманной системы каталогизации терминов цвета (а именно так именует цветообозначения Кульпина) было бы сложно. Она объединяет их в крупные хроматические категории, которые именует концептами. В монографии последовательно представлены концепты белого, чёрного, красного, жёлтого, зелёного, синего, коричневого и серого цветов в русском и польском. Не обходит Кульпина вниманием и парацветовые явления — концепты мутного (неясного) цвета и неоднородного (пёстрого) цвета.

Вопрос смыслового объёма получившихся концептов может стать предметом научной дискуссии: например, концепт «красный», по мнению Кульпиной, составляют такие субконцепты, как «красный», «розовый», «фиолетовый», «рыжий». По-видимому, в основу выделения цветового концепта в данном случае положены физические представления о цветовом спектре. И, вероятно, это единственное основание для объединения столь различных в смысловом отношении единиц в единую категорию. Но, ввиду разнородности понимания термина «концепт» в отечественном языкознании, автор вполне имеет право на своё представление.

Выработанный Кульпиной алгоритм описания каждого из терминов цвета (их датировка, основные значения на материале словарей, этимологические данные, сфера денотации, основные функции, возможные оппозиции, фразеология, деминутивы, редупликации и пр.) удачен в том смысле, что позволяет получить практически готовые материалы для словарей цветообозначений русского и польского языка. Собранный и систематизированный таким образом массив данных будет полезен и сэкономит усилия лексикографам, учёным-славистам, ведущим контрастивные исследования цветowych маркеров на материале разных языков, переводчикам, лингвистам-когнитологам, реконструирующим цветовые художественные картины мира каких-либо идиолектов.

Ещё один аспект исследований в монографии Кульпиной — световой. Действительно, не стоит игнорировать явно существующую связь сфер цвета

и света. Подробный анализ автором русских и польских светолексем позволяет проследить изменения в концептуализации мира человеком. Постулируя мысль о важности для человека в далёком прошлом света как «необычайно мощной созидательной и эстетической сущности», Кульпина делает вывод, что светоконпози́ты в большинстве своём называли признаки предметов со значением чего-то хорошего, положительного, имели возвышенные коннотации. Поэтому в древнерусском и древнепольском возможно выделение множества структурно-семантических типов световых конпози́тов (их дифференциация – заслуга исследователя).

Анализируя светолексемы, Кульпина показывает, как изменение отношения человека к свету находит отражение в его лингвопонятийной картине мира: большинство световых конпози́тов в современных языках оказываются утраченными из-за того, что свет уже не ощущается ценностью в той мере, как ранее, он доступен (и точно: фонарик есть даже в вашем смартфоне). Эволюция состава светолексем – наглядный пример способности системы языка реагировать на изменения в когнитивной картине мира человека.

Ещё одним таким примером может служить раздел монографии о цвете артефактов (в частности, цвете одежды и тканей). Корреляция между концептуальной и языковой картинами мира человека выявляется автором через экскурсы в историю цветономинации артефактов (к примеру, параграф о том, как через изменение отношения к одежде трансформировался состав системы её цветообозначений) и вывод о том, что цвет артефактов является в немалой степени этнорелевантной и этнозависимой величиной.

Ценным для теории лингвистики цвета является и обзор деятельности первопроходцев в этой области языкознания – В. Шерцля и А. Зарембы (Кульпина отводит им отдельную главу в своей книге), рассмотрение экстралингвистических факторов эволюции цветообозначений, процессов и тенденций в развитии их системы, а также типологизация функций имён цвета.

Погружение сразу в две языковые реальности позволяет Кульпиной реализовать сопоставительный подход к изучению цветообозначений. Её монография призвана показать лингвоментальное своеобразие в осмыслении понятия цвета в каждом из анализируемых языков – несмотря на их близкое родство по многим параметрам и общность этимологии очень многих терминов цвета. Приём сравнения даёт возможность выявить этнорелевантные (важные для данного языкового ареала) и этноприоритетные (сверхважные) цвета для русского и польского народов. Кроме того, данный научный труд – прекрасная иллюстрация основного положения лингвокультурологической школы об изоморфизме культуры и языка (язык не только инструмент постижения культуры, он её составная часть, «одна из её ипостасей», что позволяет анализировать язык через культуру и культуру через язык).

С.А. Верескун,
кандидат филологических наук,
независимый исследователь